

МРНТИ 03.23.55

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ КАЗАХОВ: АНАЛИЗ БАЗЫ ДАННЫХ ПО КНИГАМ ПАМЯТИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Балтабаева Кулгазира Нурановна

кандидат исторических наук, Исполнительный директор Ассоциации выпускников
КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан, E-mail: kulgazira_777@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены репрессии казахов в Алтайском крае, «преступления» которых квалифицировались по ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР и определялись несудебными и судебными органами как политические. Представлен статистический анализ по 159-ти осуждениям казахов за 1929–1950 годы (без Ойротии). Выявлены региональные особенности социального портрета репрессированных. Дан анализ хода репрессий, темпов ведения следствия и последующей реабилитации.

Ключевые слова: РСФСР, Алтайский край, Ойротия, казахи, политические репрессии, микроистория, социальный портрет, реабилитация

ҒТАХР 03.23.55

ҚАЗАҚТАРДЫҢ САЯСИ ҚУҒЫН-СҮРГІНІ: АЛТАЙ ӨЛКЕСІНІҢ ЕСТЕЛІК КІТАПТАРЫ БОЙЫНША ДЕРЕККӨЗДЕР БАЗАСЫН ТАЛДАУ

Балтабаева Кулгазира Нуранқызы

тарих ғылымдарының кандидаты, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті
Түлектер қауымдастығының атқарушы директоры, Алматы қ., Қазақстан
E-mail: kulgazira_777@mail.ru

Түйіндеме. Алтай өлкесіндегі қазақтарға қатысты қуғын-сүргін, яғни РКФСР Қылмыстық кодексінің 58 бабы бойынша анықталған сондай-ақ, соттан тыс немесе сот органдарымен саяси қылмыстар ретінде белгіленген «қарастырылған. 1929–1950 жылдары сотталған (Ойротиясыз) 159 қазақтар бойынша статистикалық талдау ұсынылған. Қуғын-сүргінге ұшырағандардың әлеуметтік бейнесі аймақтық ерекшелігіне қарай нақтыланған. Қуғын-сүргін, тергеу жүргізу қарқыны және кейінгі ақтау барыстарына талдау берілген.

Кілт сөздер: РКФСР, Алтай өлкесі, Ойротия, қазақтар, саяси қуғын-сүргін, микротарих, әлеуметтік бейне, ақтау

IRSTI 03.23.55

POLITICAL REPRESSIONS OF KAZAKHS: ANALYSIS OF THE DATABASE ON MEMORY BOOKS OF THE ALTAI TERRITORY

Baltabayeva Kulgazira

Candidate of sciences (History), executive director at Alumni Association of the
al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan, E-mail: kulgazira_777@mail.ru

Abstract. The article considers repressions in relation Kazakhs in the Altai territory, whose «crimes» were qualified under article 58 of the Criminal Code of the RSFSR and were defined by non-judicial and judicial authority as political. Presented statistical analysis of 159 condemnations of the Kazakhs during the years 1929–1950 (without Oirotiya). Regional features of the social portrait of the repressed were revealed. The analysis of the course of repressions, the pace of investigation and subsequent rehabilitation is given.

Key words: RSFSR, Altai territory, Oirotiya, Kazakhs, political repressions, microhistory, social portrait, rehabilitation

Введение. Актуальность темы связана с задачей удовлетворения потребностей общества о пережитом народом трагедии и проведения мер по преодолению стереотипов, доставшихся в «наследство» от советской административной системы. Раскрытие сущности

тоталитаризма, соблюдение прав и свобод человека, восстановление исторической правды и доверия к новым независимым государствам-преемникам Советского Союза и его силовым органам диктуют целесообразность извлечения уроков из истории, в том числе для формирования новой платформы патриотизма, повышения гражданской ответственности и созидательного настроения общества, нравственности, вбирающей в себя и реабилитацию, сохранение доброй памяти о людях, несправедливо осужденных. «Политические репрессии 20–50-х годов XX века – печальная страница истории нашего народа. ...Все мы помним, какой колоссальный урон нанес «большой террор» народам, проживавшим на территории советского государства. За годы репрессий в Казахстан было сослано свыше пяти миллионов человек со всех уголков Советского Союза. ...Сегодня мы с горечью вспоминаем и тех, кто погиб от голода в годы коллективизации, либо был вынужден покинуть свою родину», – отметил Президент Казахстана К.-Ж. К. Токаев, обращаясь к соотечественникам 30 мая 2020 г. по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода (Обращение Главы государства, 2020).

Наплыв казахов в Россию в 30-х гг., в том числе и в Алтайский край, который граничит с Павлодарской и Восточно-Казахстанской областями, вынудил местные власти обустроивать голодных, больных, пауперизированных беженцев с низкой жизненной активностью. Сибирская деревня, сама вошедшая с 1930 г. в трясину «голодомора», уберегла казахов от неминуемой смерти (Гонимые голодом, 1995). Невиданная в истории народа демографическая катастрофа не спасла казахов от репрессий, как в самом Казахстане, так и за его пределами.

Материалы и методы. База данных по репрессированным была недоступна ученым до перестройки. Впервые фрагментарно представлена в региональном масштабе и аккумулирована в Книгах памяти и скорби. Они обладают такими чертами, как однородность в структуре и наличие независимых случайных признаков, наполняя понятия «массовые репрессии», «этнические репрессии» именами реальных людей. Биографические справки на репрессированных в Алтайском крае опубликованы в 1998–2005 гг. в 7 томах (8 книг) «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае». Для выборки сведений о лицах казахской национальности проведен сплошной просмотр издания с опорой на структурно-количественные методы. Понятие «жертвы» четко определено и включает только лиц, арестованных и осужденных судебными и несудебными органами. В издание включено более 400 документов органов: государственных, партийных, суда, прокуратуры и безопасности. Биографические справки из архивно-следственных дел – ценный источник, позволяющий более обоснованно судить о советской политической системе и реализации карательной политики на местах. Барнаульское издание обладает большим информационным потенциалом, поэтому представляется репрезентативным. Оно снабжено предисловиями к каждому тому и научно-справочным аппаратом.

Наше исследование на микроуровне проведено с применением сравнительно-исторического, проблемно-хронологического, статистического методов и с опорой на новые архивные документы и литературу. Так, сравнительно-исторический метод позволил выявить общее и особенное в исторических явлениях одного хронологического ряда в различных регионах, или касательно одного региона, но с учетом национального фактора. Автором составлены расчеты и таблицы контингентности.

Обсуждение. В изучении репрессивной политики ушедшего с исторической арены советского государства научное лидерство принадлежит ученым России. Востребованы монографии на основе материалов ОГПУ–НКВД–МВД–МГБ, в том числе в аспектах: исторической персоналистики, национальном, региональном и микроистории (сел, района, городов). Исследователи демографических аспектов репрессий оперируют разной статистикой жертв: от 10 млн (Земсков, 2013) до 40 млн человек, включая раскулаченных, депортированных, умерших в 1933 г. от голода (Медведев, 1988).

В казахстанской историографии репрессивной политики не раскрыты не только факты, но и их воздействие на общественное сознание. На этой ситуации сказались как недоступность материала с грифом секретности и его концентрация в архивах России, так и разобщенная деятельность местных архивов. Преобладают утверждения о 100%-ной фальсификации дел. Ведомственные архивы МВД и КНБ сохраняют дистанцию от ученых. Не продемонстрировали достаточного упорства и сами исследователи, ибо в их среде доминирует периферийное сознание с прежней ориентацией на «центр». Издание сборников

документов осуществлялось в основном из материалов ЦК КП Казахстана и областных партийных организаций, которые принимались, как правило, «во исполнение» указаний ЦК ВКП (б) (Политические репрессии в Казахстане, 1998).

Настойчивость историков старшего поколения из НАН РК, выполнение ими заказа Парламента способствовали получению доступа к материалам архива КНБ РК по коллективизации, голоду и репрессиям. Труд не завершён изданием фундаментального исследования, что подчеркивает большой объём поисковой работы. Но их старания не пропали: известны протоколы допросов, автобиографии, заявления и жалобы лиц разного социального статуса и национальности на имя руководителей партии и государства. Такой подбор документов продемонстрировали составители сборника «Красный террор», ибо они не только свидетельствуют о вере растерянных в сложившейся трагической ситуации коммунистов в политику правящей партии, вне которой они себя и не представляли, но и разоблачают абсурдность и преступную сущность репрессий (Красный террор, 2013). Импонирует вывод коллег, что репрессивные меры органами НКВД осуществлялись под руководством Центрального Комитета ВКП (б), поэтому слияние деятельности партийных и силовых органов произошло именно в ходе репрессий. Это-документы опубликованы также в виде воспоминаний (Страницы трагических судеб, 2002).

Следует отметить исследование М.К. Койгельдиева при поддержке общественных фондов. Материалы следственных дел архива КНБ касательно граждан разного социального положения (духовенство (ишаны – суфийские шейхи, имамы, муллы), бай, интеллигенция, политическая элита новой власти) стали основой его труда «Сталинизм и репрессии в Казахстане в 1920–1940-х годов». Автор предупреждает: «Читая эти документы сегодня, нелегко различать сфальсифицированные следователем факты от достоверных. Для этого требуется не только профессиональная подготовка источниковеда, но и многолетний большой опыт работы исследователя с документами этой категории», однако без вовлечения материалов следственных дел «в научный оборот фактически невозможно реконструировать многие события и процессы политической истории страны советского периода» (Койгельдиев, 2009:17). Особую ценность имеют работы на уровне персоналий на основе протоколов допросов, «поскольку авторы показаний в данном случае выступают в роли не только подследственного, но и непосредственного свидетеля и участника событий» (Койгельдиев, 2009:18).

Картина противоречивых тенденций, динамичного и трагичного периода истории показана через судьбы конкретных личностей, но имевших переломный характер для нации в целом, прошедшей за короткий исторический период через жернова сменяющихся и дополняющих друг друга экспериментов: политических, экономических, социальных, культурных и идеологических (в том числе смена казахского алфавита). В итоге – изменились ценностные ориентации людей, разорваны поколенческие функции традиционного общества, покончено с потенциальной оппозицией в национальных регионах и без сопротивления власти достигались очередные манипуляции общественным сознанием.

Историографию вопроса профессионально представил И.М. Козыбаев в труде «Большой террор» в Казахстане» (Козыбаев, 2019:9-46). Как известно, в литературе с 1968 г. прижилось понятие «Большой террор» – так образно, но не строго научно Конквест Роберт – дипломат и историк назвал советский период 1937–1938 гг.

Что касается изучения истории репрессий в отношении казахов, проживавших за пределами Казахской АССР–Казахской ССР, то следует признать, что эта актуальная тема еще в повестке дня. Сегодня казахи разделены не административными, а государственными границами, и являются гражданами разных стран. Но в науке сохраняется приоритет за разработкой истории того народа, который дал название новому государственному объединению. Не случайно поэтому, что впервые в своей 75-летней деятельности Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова стал выполнять с октября 2020 г. проект на тему «Политические репрессии среди казахов на территории республик Средней Азии в 20–50-е годы XX века» под научным руководством члена-корреспондента НАН РК З.Е. Кабульдинова. Информация о репрессированных казахах в РСФСР включена в общую статистику по областям. Не является исключением Алтайский край и Ойротская автономная область (ныне – Республика Алтай), которая с 1937 г. по 1991 г. входила в состав Алтайского края.

В октябре 2004 г., когда еще не была завершена работа по наполнению базы данных репрессированных, главный специалист Государственного архива Алтайского края, затем его директор Г.Д. Жданова впервые ознакомила научную общественность с постановкой проблемы по осужденным в 20–40-е гг. XX в. казахам края. В публикации впервые приведены обвинительные заключения по групповым делам казахов (Жданова, 2005а:60, 61, 63). В числе 57 национальностей края дана статистика (без Ойротии) по репрессированным казахам (146 чел.) и киргизам (13 чел.) (Жданова, 2005б:379). Однако автором не учтены некоторые обстоятельства дореволюционной и советской истории.

Как известно, казахам было навязано неверное наименование – «киргизы», «киргиз-кайсаки». В 1925 г. V Всеказахский съезд советов принял постановление «О восстановлении имени Казаки за киргизской национальностью». Впредь надо было именовать киргиз – КАЗАКАМИ (по стилю написания на тот момент – К.Б.). 5 февраля 1936 г. ЦИК и СНК КазАССР принимают постановление, что в соответствии с казахским произношением слово «казак» на русском языке следует писать «казах» (а не «казак»). Кстати, составители итогов Всесоюзной переписи населения от 17 декабря 1926 года подчеркнули: «Вновь введенный в употребление термин *казаки* для обозначения киргиз-кайсацкой народности, в отличие от киргизов (кыргызов) или кара-киргизов, видимо, еще недостаточно усвоен в местах некоренного обитания указанных групп народностей. Поэтому в переписных формулярах оказалось довольно много случаев указания на киргизов в таких местностях» (Семенов, 1928:IX). Эта ситуация имела место и в России.

Не обращено внимание и на обстоятельство, что киргизы (то есть казахи) являлись местными жителями, уроженцами края с русскими фамилиями. Это связано с переходом в XIX в. части казахов в православие (Кабульдинов, 2017:7). Национальную идентичность казахов=киргизов края доказывают не только сведения по месту рождения, но и данные по месту жительства при аресте. Эти моменты не учел и исследователь из Томска, к тому же произвольно уменьшив численность «киргизов» края, и отнеся омских казахов к диаспоре (Уйманов, 2012:106-107).

Ошибочно также утверждение, что «из 30 тыс. казахов, проживавших в Алтайском крае и в Республике Алтай, репрессиям подверглись 270 человек» (Уйманов, 2012:108). В одной только Ойротии репрессированы 569 казахов (Книга памяти, 2003:243). Учитывая хронологические рамки статьи коллеги, нами произведен перерасчет. Так, за 1931–1941 гг. в крае репрессирован 141 казах, в Ойротии – 491, а в совокупности 632 человека, а не 270. Затрагивая тему о политических репрессиях, на наш взгляд, следует избегать категорических утверждений типа: «...несмотря на значительное число проживавших в регионе казахов – 99,5 тыс. чел., число репрессированных составило всего несколько сот человек», «...число репрессированных среди мордовского населения (третьего по численности в регионе) составило 0,77%, татар и казахов – четвертых и шестых по численности – соответственно 0,57 и 0,19%» (Уйманов, 2012:108). Управление ФСБ по Омской области отказало В.Н. Уйманову в предоставлении сведений, а также компьютерная база данных по репрессиям отсутствовала по Новосибирской области. Трагедия для советских граждан одна – это часть нашего общего прошлого, не уместно сравнивать, кто в большей или меньшей степени пострадал от репрессий.

Результаты. Казахский аул в России, Казахстане и Монголии, был втянут в модернизационные процессы, оседание скотоводов и коллективизацию. Недовольных такой политикой карательные органы брали на учет, пресекали отпочковку за кордон (через Ойротию в Монголию и Китай), советы поднимали налоги, лишали избирательного права. На практике был апробирован упрощенный и ускоренный механизм принятия обвинительного решения по ст. 58 «Контрреволюционные преступления» Уголовного кодекса РСФСР. Так, ст. 58 инкриминирована в 159 случаях 157-ми казахам в Алтайском крае, в том числе 2 рабочих репрессированы дважды. В книге «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» данные о месте рождения 18 человек отсутствуют.

Нами уточнено место рождения одного казаха по документу «Список военнослужащих, осужденных Военным трибуналом 108 Отдельной стрелковой бригады к высшей мере наказания и лишения свободы, приговор на которых приведен в исполнение», который секретно был направлен 26 мая 1942 г. в Центральное бюро по потерь личного состава Действующей армии. В списке – фамилии 11 человек, осужденных с 19 января по 8 мая 1942 г., из них 6 сибиряков. Под номером 7 значится Хожебаев Роман Хожебаевич, который родился в 1918 г. в ауле № 1 Аксуского района Алтайского края. Призван Алейским

райвоенкоматом края. В графе «Имя, отчество, фамилия, адрес жены, род.» записано: «Село Макарьевское Толичихинского (Прим. Топчихинского – К.Б.) района Алтайского края» (<https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50887698&page=1&p=3>).

Поэтому уточненные сведения по 159 казахам выглядят так: среди репрессированных казахов в Алтайском крае уроженцами России были 104 чел. (65,4%) и Казахстана – 38 чел. (23,9%). Данные о месте рождения 17 человек (10,7%) отсутствуют. В региональном разрезе: уроженцы Томской (97 чел., 68,3% от числа указавших место рождения), Алтайской (6 чел., 4,3%) и Саратовской губерний (1 чел, 0,7%), Семипалатинской области – 32 (22,5%), Семиреченской – 3 (2,1%), Акмолинской – 1 (0,7%), Павлодарской – 1 (0,7%) и Тургайской области – 1 чел. (0,7%).

В Алтайском крае среди репрессированных казахов были только мужчины, в Ойротии – и молодые женщины-казашки. Избрана мера пресечения – арест, то есть все обвиняемые до направления их дела в суд находились под стражей. На момент ареста большинство казахов (70%) были в трудоспособном возрасте – 20–50 лет (Табл. 1), краевой показатель несколько выше – 77% в возрасте 18–50 лет (Жданова, 2005b:377).

Таблица 1 – Репрессированные казахи в Алтайском крае по возрасту
(Жертвы политических репрессий, 1998–2005.)

Возраст, лет	20	1-30	31-40	41-50	51-60	61-70	71-80
Кол-во, чел.	3	6	53	29	30	16	2
В % к итогу	1,9	6,4	33,3	18,2	18,9	10,1	1,2

К концу 20-х годов аресты приняли хронический характер, некоторые годы «выпячивают» частное проявление в общей политике советов и карательных органов, в том числе наступление на зажиточные слои аула (1929 г.), проведение коллективизации (1930–1933 гг.) и беззаконие годов «Большого террора». В нашем случае понятия «арестованные» и «осуждённые» являются тождественными.

С 1929 по 1936 г. арестованы 28 казахов, что составляет 17,6% от общего количества арестов за 1929–1949 гг. ОГПУ действовало по принципу «сначала арестовать, а потом изобличать», хотя по закону должно быть наоборот. Следствие длилось в среднем от 24 дней до пяти – шести месяцев. В этот период практиковались условные сроки лишения свободы от 3 до 5 лет, высылки. Четыре дела прекращены, в том числе освобожден рабочий пункта «Заготзерно» Жаутиков Вахит (1902 г.р.) из с. Бурла Славгородского района за недоказанностью обвинения по ст. 58-10. За отсутствием состава преступления из-под ареста освобождены крестьяне-единоличники, обвиняемые по ст. 58-11: Игинбаев Маилкан (Василий) (1901 г.р.) из с. Карпово-1 Покровского района и Лиспаев Махамед (Василий) (1892 г.р.) из п. Кривушка Чарышского района. Дело по ст. 58-10 УК в отношении кладовщика Нурсантова Рамазана (1907 г.р.) из г. Рубцовска прекращено за недоказанностью обвинения (Жертвы политических репрессий, 2005:282).

Наибольшее количество арестов крестьян-единоличников приходится на 1931 год, что является косвенным свидетельством непринятия идеи социалистической модернизации сельского хозяйства на пике создания колхозов. Вне колхозов оставались крестьяне и в 1933 г. Например, крестьянин-единоличник, казах Матвеев Максим Васильевич (1903 г.р.) из с. Сараса Алтайского района был обвинен по ст. 58 - 2,10,11 тройкой при Полномочном представительстве ОГПУ по Запсибкраю и лишен свободы на 3 года условно (Жертвы политических репрессий, 1999:278).

В 1933 г. были осуждены 8 казахов, в том числе председатель колхоза «Им. Мамонтова» Алтайского района Жаврин Никита Дмитриевич (1898 г. р.) из с. Большая Кыркыла, обвиненный тройкой при ПП ОГПУ по Запсибкраю по ст. 58-2,10,11 и осужденный к трем годам лишения свободы (Жертвы политических репрессий, 1999:157). Из восьми арестованных по ст. 58-2,7,11 расстреляны по решению Особой тройки при ПП ОГПУ от 25 апреля 1933 г. три человека из колхоза «Жас кайрат» Славгородского района. Среди них Буринов Кобай (1899 г.р.), братья Карагосековы Кенжебек (1900 г.р.) и Негмет (1906 г.р.). Их младший брат, Кайрулла, в возрасте 25 лет был осужден также 25 апреля 1933 г. и решением Особой тройки лишен свободы на 10 лет. Его дело прекращено Военным трибуналом Сибирского военного округа 2 ноября 1956 г. за отсутствием состава преступления (Жертвы политических репрессий, 1999:202).

В 1929–1936 гг. из 28 осужденных казахов к высшей мере наказания были приговорены 8 крестьян, в том числе по решению Особой тройки при ПП ОГПУ пять крестьян-единоличников в 1929–1931 гг. из деревень Каракол (инородческий) и Усть-Куча Солонешенского района, аула Баужансор Благовещенского района, пос. Ребровка Славгородского района, с. Алексеевка Бащелакского района. Были расстреляны казахи Романовский Прокопий Порфирьевич (1897 г.р., ст. 58-11) (Жертвы политических репрессий, 1998:348), Смирнов Василий Михайлович (1878 г.р., ст. 58-11) (Жертвы политических репрессий, 1998:373), Эстаев Биляль (Аубакир) (1899 г.р., ст. 58-2,11) (Жертвы политических репрессий, 1999:532), Шманов Тимеркан (1878 г. р., ст. 58-2,11) (Жертвы политических репрессий, 1999:525) и Карамсаков Десинке (1888 г. р., ст. 58-11) (Жертвы политических репрессий, 1998:200).

В самый разгар репрессий, 28 сентября 1937 г., из Западно-Сибирского края выделяется Алтайский край. В Алтайском крае 53% арестованных репрессированы в годы «Большого террора» (Жданова, 2005b:377). Не стали исключением и казахи. За 1937–1938 гг. арестован 111 человек, что составило 69,8% от общего количества арестов казахов за 20 лет, то есть с 1929 г. по 1949 г. Как известно, старт «Большому террору» дан приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 г. об операции по репрессированию бывших кулаков и других антисоветских элементов (Лубянка, 2004:273–281), который был утвержден постановлением Политбюро ЦК ВКП (б) «Вопрос НКВД» (Лубянка, 2004: 281–282).

К этому времени, то есть за семь прошедших месяцев 1937 года, было 3 ареста казахов Алтайского края, тогда как за IV квартал арестов стало в 11 раз больше. Пик арестов пришелся на ноябрь – 24, или 65% по итогам года. Судьбы некоторых казахов решены за считанные дни. Так, в октябре и декабре 1937 г. по трем делам, рассмотренным в срок от 6 до 9 дней, тройкой УНКВД приняты приговоры о расстреле. По ст. 58-2,7,11 осуждены председатель сельского совета Жуанишев Габбас (1897 г. р.) из пос. Куатовка Славгородского района и рабочий винзавода Смашов (Сматов) Турсунгали (1895 г. р.) из с. Змеиногорское Змеиногорского района (Жертвы политических репрессий, 2001:199). По шести пунктам – 2, 7, 8, 9, 10 и 11 ст. 58 к расстрелу приговорен Жунусов Кабдыш, уроженец Томской губернии 1906 г. р., без определенных занятий, из пос. Притыка Славгородского района (Жертвы политических репрессий, 2000:283). Младший брат расстрелянного председателя сельского совета, учитель Жуанешев Ибрагим Меирмалович (1905 г.р.) из пос. Сырымский Славгородского района был осужден 19 октября 1937 г. на 10 лет лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет (Жертвы политических репрессий, 2000:281).

Основная часть дел арестованных – 88,2% – была рассмотрена в IV квартале 1937 г., в срок от 10 дней до 1 месяца. Лишь 4 дела рассмотрены в сроки свыше одного месяца. Но это обстоятельство принципиально не изменяло характера несправедливого ареста и следствия, и, следовательно, принятых тройками решений. Так, по трем делам двух колхозников (Джансаринов, Султанов.) и одного рабочего совхоза № 223 (Бушенкин А.А.) вынесены смертные приговоры. По пяти пунктам – 2, 7, 8, 9 и 10 – ст. 58 осужден на 10 лет с последующим поражением в правах на 5 лет член колхоза «Нацмен» Славгородского района Тинебаев Деймухамед, уроженец Томской губернии 1901 г.р. из пос. Куатовский (Жертвы политических репрессий, 2001:248).

Карательные органы практиковали групповые аресты, которые для небольших разбросанных в степи аулов имели устрашающее значение. Осенью 1937 г. Славгородское РО НКВД арестовало 9 человек, в том числе председателя колхоза «Жанауль» Татенова Нурмухамета Нурганиевича (1906 г.р.) (Жертвы политических репрессий, 2001:242) и заведующего казахским детским домом Джунусова Сатара Мусиновича (1909 г.р.) (Жертвы политических репрессий, 2000:227). В вину Татенову Н.Н. поставлено руководство «националистической диверсионно-повстанческой» группировкой на территории Узень-Агачского с/совета. «[...] Перед вновь завербованными участниками [...] ставил задачу проводить вербовку новых членов в контрреволюционную организацию и готовить из них штурмовые кадры для вооруженного выступления [...], будучи председателем колхоза, способствовал выйти из колхоза 14 хозяйствам и сознательно требовал от колхозников не голосовать за выставленных кандидатур в Верховный Совет [...]» (Жданова, 2005a:62). Джунусов Сатар Мусинович якобы «дал согласие выступить с оружием в руках [...] в момент интервенции Японии против СССР».

Обвинительное заключение по делу гласит: «[...] вскрыта и ликвидирована

контрреволюционная мусульманская националистическая организация, ставшая своей задачей подготовку вооруженного восстания против соввласти в момент интервенции на Советский Союз со стороны Японии и Германии. Названная ...организация возглавлялась директором Славгородской казахской неполной средней школы, вышним баем Сагитовым, который будучи тесно связан с руководителем повстанческого штаба контрреволюционной мусульманской организации в г. Новосибирске – Гайсиным [...], по его непосредственному заданию в г. Славгороде проводил формирование повстанческой мусульманской организации, в задачу которой входило вооруженное свержение соввласти и установление своего националистического тюркского государства под протекторатом Японии [...]» (Жданова, 2005а:62). Здесь неслучайно использованы слова «мусульманской организации», «националистического тюркского государства», так как среди арестованных были мусульмане, татары (Гайсин З.С., Сагитов Г.Г.) и казахи. 5 декабря 1937 г. по решению тройки при УНКВД все 9 человек были расстреляны.

В 1937 г. не было ни одного факта пересмотра и (или) прекращения дел арестованных казахов. 22 казаха расстреляны (59,5%), 10 человек осуждены на 10 лет лишения свободы (27%) и 5 человек – на 8 лет (13,5%).

По сравнению с 1937 г. число арестов казахов в 1938 г. увеличилось в 2 раза. Пик арестов наблюдался в апреле – 30, или 40,5% от общего количества арестов 1938 года. Спад начался с 25-ти арестов в мае (33,8%) до 9 арестов (12,1%) в июне. В июле и в четвертом квартале не было арестов. Последний, 74-й арест года состоялся 22 августа. В этот день был арестован Идрисов Асамбек, уроженец Семиреченской области, рабочий Барнаульского меланжевого комбината в возрасте 23 года. Краевой суд осудил рабочего 27 ноября 1938 г. по ст. 58-2,10,11 на 15 лет лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет. Верховный суд РСФСР 13 февраля 1940 г. сократил до 10-ти лет срок наказания. Через 20 лет реабилитирован Верховным судом РСФСР и дело было прекращено за отсутствием состава преступления (Жертвы политических репрессий, 2002:209).

Характеристику темпов ведения следствия несудебными и судебными органами в завершающий год «Большого террора» дает Таблица 2.

Таблица 2 – Темпы ведения следствия несудебными и судебными органами в 1938 году касательно казахов Алтайского края (Жертвы политических репрессий, 2002–2005.)

Квартал/месяцы	Сроки рассмотрения дел, количество дел / %		
	До 10 дней	От 10 дней до 1 месяца	Свыше 1 месяца
I, январь – март	-	1/11,1%	8/88,9%
II, апрель – июнь	-	1/1,6%	62/98,4%
III, июль – сентябрь	-	-	2/100%
IV, октябрь – декабрь	-	-	-
Итого, за год	-	2/2,7%	72/97,3%

В 1938 г. не практиковалось рассмотрение дел арестованных до 10 дней. Два дела были рассмотрены в срок от 10 дней до 1 месяца. Так, Особое совещание при НКВД СССР предъявило обвинение по пяти пунктам – 2, 7, 9, 10, 11 – ст. 58 скотнику совхоза «Мартовский» Хабарского района Сейтахметову Шарипкану, уроженцу Семипалатинской области 1904 г.р., и вынесло 19 февраля 1938 г. приговор о расстреле. 25 марта 1938 г. в г. Славгороде приговор приведен в исполнение (Жертвы политических репрессий, 2005:119). Второе дело рассмотрел краевой суд и оно касалось Токошева Абиша из пос. Тальменовка Тальменского района, уроженца Семипалатинской области 1892 г.р., обвиненного по ст. 58-10, 11. Дело было прекращено за отсутствием состава преступления (Жертвы политических репрессий, 2005:328).

Сроки рассмотрения 72-х дел (97,3%) превышали один месяц (Табл. 2) и фактически составили: более 11 месяцев по двум делам, 8 месяцев – по двум делам, 7 месяцев – по четырем делам, полгода шло следствие по 27 делам, пять месяцев – по 26 делам, четыре месяца – по 6 делам, три месяца – по одному делу и два месяца – по трем делам. Пятьдесят три дела из 74-х (или 72%) были в производстве от пяти до шести месяцев. Лишь ничтожная часть дел, заведенных в 1938 году, прекращена в 1938–1939 гг., составив всего 4,5% от общего количества дел в годы «Большого террора» (Табл. 3).

Таблица 3 – Мера наказания в 1937–1938 гг. (Жертвы политических репрессий, 1998–2005.)

Осуждено чел./ в %	Расстрел (ВМН)	Лишение свободы, лет					Дело прекращено	Смерть в тюрьме
		25	20	15	10	8		
111	62	18	2	4	14	5	5	1
в %	55,9	16,2	1,8	3,6	12,6	4,5	4,5	0,9

Дела тройки рассматривали заочно, в отсутствие обвиняемых, и приговор был окончательный. Порядок рассмотрения дел Особым совещанием при НКВД СССР–МГБ СССР был аналогичным. «Туда направлялись краткие справки, суть обвинения, откуда приходили приговоры (они назывались постановлениями) за подписями Ежова и Вышинского или их заместителей, на каждого подсудимого отдельно. В исполнение эти приговоры приводились на месте, в Барнауле» (Гришаев, 1995: 47).

Таблица 4 – Органы осуждения (Жертвы политических репрессий, 1998–2005.)

Несудебный и судебный орган	Число приговоров	% к общему числу приговоров
ОГПУ– НКВД–УНКВД	69	43,3
Особое совещание при НКВД СССР	2	1,3
Особое Совещание при МГБ СССР	1	0,6
Отдел контрразведки «Смерш» Сибирского военного округа	1	0,6
Военные трибуналы	8	5,0
Алтайский краевой суд РСФСР	78	49,1
Итого	159	100

Активными репрессивными органами являлись тройки при ПП ОГПУ, НКВД по Сибирскому (Западно-Сибирскому с 1930 года) краю и Алтайскому краю (Табл. 4). С октября 1937 г. функционировал краевой суд. Так, за 7 лет он рассмотрел 78 дел по ст. 58 в отношении казахов, что составляет 49,1% от общего числа осуждений. Краевой суд вынес приговоры в 1938 г. по 67 делам (86%), 1939 г. – 6, в 1941 – 1, в 1942 г. – 3 и в 1944 г. – по 1 делу. Таблица 5 дает общее представление о мерах наказания по 159-ти осуждениям.

Таблица 5 Приговоры казахам по статье 58 УК РСФСР (до пересмотра дел) .
(Жертвы политических репрессий, 1998–2005.)

Мера наказания	Кол-во осуждений	% от общего числа осуждений
Расстрел (ВМН)	73	46,0
10 лет и более	45	28,3
5–8 лет	14	8,8
3 года	5	3,1
На срок предварительного заключения	1	0,6
Ссылка. Высылка	3	1,9
Дело прекращено	18	11,3
Всего	159	100

Обречены были не только «социально чуждые» категории населения, муллы, крестьяне-единоличники, но и колхозники. Из 159 осуждений 112 (70,4%) касались представителей сельскохозяйственного сектора, что связано с хозяйственной специализацией народа. Жертвами репрессий стали в 1929–1931 гг. крестьяне-единоличники Алтайского, Бащелакского, Благовещенского, Ключевского, Покровского, Славгородского, Солонешенского и Чарышского районов.

С созданием колхозов не изменилось в сторону роста благосостояния материальное положение сельчан. Продолжались аресты и обвинения в падеже скота, плохого ухода в коллективном хозяйстве. Репрессии коснулись 78 членов колхозов «Им. Ворошилова» Баевского района, «Казах» Ключевского района, «Кызыл аул», «Им. Калинина», «Красный Казахстан» Благовещенского района, «Кызыл ту», «Батрак» и «Им. Калинина» Карасукского района, «Жанаул», «Жас кайрат», «Кызыл казах», «Кызыл аул», «Трудовой казах», «Им. Крупской», «Трудовик», «Первое мая», «Нацмен» и «Октябрь» Славгородского района, «Воля» Знаменского района, «Трудовик» Топчихинского района, колхоза с. Сараса Алтайского района.

Деятельность маломощных коллективов попала под пресс карательных регуляторов. Вина возложена на руководителей колхозов и председателей сельских советов. В числе репрессированных: 7 председателей колхозов «Октябрь», «Первое мая», «Им. Крупской», «Им. Мамонтова», «Жанаул», «Нацмен» и «Инбекиш» (очевидно, «Еңбек күші», на рус. яз. «Трудовая сила» – К. Б.) Славгородского, Алтайского и Каменского районов; 6 бригадиров и заведующих фермами колхозов, заместитель старшего бухгалтера артели «Барторгин»; 3 председателя сельских советов: Каракольского (Ключевский район), пос. Куатовка Славгородского района, с. Баужансор Благовещенского района. Особое совещание при НКВД СССР 19 февраля 1938 г. приговорило к ВМН по статье 58, пп. 2, 7, 10, 11 Кусбекова Омирбая – председателя плановой комиссии Немецкого райисполкома. Осужденному было 28 лет (Жертвы политических репрессий, 2002:292). Как известно, Особое совещание при НКВД СССР создано в 1934 г. и действовало по 1 сентября 1953 г. Лишь смерть Сталина поставила точку в антиконституционной деятельности Особого совещания.

Репрессиям подверглись 6 рабочих совхозов Знаменского, Славгородского и Хабаровского районов, 7 работников народного образования Барнаула, Славгорода, а также Славгородского сельского района.

Таблица 6 – Осуждения по статье 58 УК РСФСР (Жертвы политических репрессий, 1998–2005.)

Кол-во пунктов статьи 58 в обвинении	Число осуждений	% от общего числа осуждений
Один	38	24
Два	21	13,2
Три	29	18,2
Четыре	59	37,1
Пять	8	5
Шесть	4	2,5
Пункты 2,7,10, 11 (в одном обвинении)	48	30,2
Пункты 2, 10, 11 (в одном обвинении)	11	7
Пункт 2 (вооруженное восстание)	114	71,7
Пункт 7 (подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, кооперации)	111	70
Пункт 10 (антисоветская пропаганда и агитация)	125	79
Пункт 11 (деятельность по созданию или участие в контрреволюционной организации)	103	65

Лишь в 38 случаях (24%) из 159 осуждений обвинение предъявлено по одному пункту ст. 58 (Табл. 6). Так, дело было прекращено в 12 случаях за недостаточностью улик для предания суду и недоказанностью обвинения, отменен один приговор о расстреле, лишены свободы 18 человек, исполнен приговор о ВМН в отношении 5 человек и отправлены в ссылку 2 человека.

Фактически реального значения не имело по какому пункту ст. 58 предъявлено обвинение, ибо дела сфабрикованы. Большинству предъявлялись обвинения по двум или нескольким пунктам ст. 58, «...по какому их количеству и по каким именно – зависело от фантазии следователя, причем нередко и преступления как такового не было», – авторитетно заявляет Г.Н. Безруков – экс-директор архива Алтайского крайкома КПСС (Жертвы политических репрессий, 2005: 79). Так, по двум пунктам ст. 58 осужден 21 человек (13,2%), по трем пунктам осуждены 29 человек (18,2%), по четырем – 59 человек (37,1%), по пяти – 8 человек (5%) и по шести пунктам – 4 человека (2,5%).

Комбинация пунктов 2 (вооруженное восстание), 7 (подрыв госпромышленности, транспорта, торговли, кооперации), 10 (антисоветская пропаганда и агитация) и 11 (деятельность по созданию или участие в контрреволюционной организации) приведена в 48 осуждениях, что составляет 30,2% от их общего числа. На втором месте приговоры, вынесенные по обвинению по пп. 2, 10, 11. Это коснулось 11 человек (7%).

Обвинение по пунктам 2, 7, 10, 11 в 22-х приговорах дополнительно усугублено за счет пунктов 8 (совершение террористических актов) и 9 (разрушение, повреждение государственного или общественного имущества). В целом, несудебные и судебные органы применили обвинение по п. 2 в 114 случаях (71,7% приговоров) из 159-ти осуждений, п. 7 – в 111 случаях (70%), п. 10 – 125 раз (79%) и п. 11 – в 103 случаях (65% приговоров).

Отдельно пункт 2 (вооруженное восстание) лишь один раз использован в судебной практике, хотя он значится в 114 обвинениях в различной конфигурации пунктов: 7, 8, 9, 10, 11 ст. 58. Так, обвинение по пункту 2 было предъявлено 30 апреля 1938 г. Бахтиярову Абдрахману, уроженцу Томской губернии (1885 г. р.), члену колхоза «Жанаул», проживавшему в ауле Узун-Агач Славгородского района. Через шесть месяцев краевой суд приговорил колхозника к расстрелу. Однако Верховный суд РСФСР 26 декабря 1938 г. изменил меру наказания на 10 лет лишения свободы с последующим поражением в правах на 5 лет (Жертвы... политических репрессий, 2002:Т.IV: 55). Осужденный реабилитирован 16 ноября 1993 г. Генеральной прокуратурой РФ.

Также лишь один раз в судебной практике было обвинение по пункту 7 (подрыв гос. промышленности, транспорта) ст. 58. Обвинение во вредительстве предъявил дорожно-транспортный отдел НКВД станции Барнаул 26 июня 1938 г. Утепову Бояшу – заведующему гужевым транспортом Контошинского леспромхоза, уроженцу Семипалатинской области. Следствие длилось полгода и дело прекращено за отсутствием состава преступления (Жертвы политических репрессий, 2005:333).

По пункту 9 (разрушение, повреждение государственного или общественного имущества) обвинение 24 марта 1941 г. предъявлено Управлением НКВД гражданину, Сарсимбаеву Ивану (1902 г.р.) – члену колхоза «Им. Ворошилова» из с. Верх-Пайва Баевского района. 30 июля 1941 г. дело о диверсии было прекращено за недостаточностью улик для предания суду (Жертвы политических репрессий, 2005:313).

Пункт 12 ст. 58 предусматривал наказание за «недонесение о достоверно известном, готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении». Обвинение по данному пункту было предъявлено 28 апреля 1938 г. Даирбаеву Аманкану, уроженцу (1901 г. р.) Томской губернии, бригадиру колхоза «Первое мая» Славгородского района, жителю аула Жерказган. Краевой суд осудил бригадира на 10 лет с последующим поражением в правах на 5 лет, однако приговор был отменен 4 февраля 1939 г. Судебной коллегией Верховного суда РСФСР. Ключевское районное отделение НКВД только через два месяца прекратило дело за смертью 16 февраля 1939 г. 38-летнего колхозника в тюрьме г. Славгорода (Жертвы политических репрессий, 2002:154). Ключевское РО НКВД довело до смерти и 28-летнего председателя колхоза «Первое мая» Аленова Жалела, огульно обвиненного по ст. 58-2,7,10,11. Арестованный умер 26 сентября 1938 г., но дело было прекращено лишь через полгода. Официальная реабилитация прокуратурой Алтайского края состоялась через 63 года (Жертвы политических репрессий, 2002:36).

За антисоветскую пропаганду и агитацию (п. 10) коллегия ОГПУ, тройки при ПП ОГПУ по Запсибкраю и при УНКВД по Алтайскому краю из года в год ужесточали наказание,

очевидно, приписывая высокий уровень политической грамотности сельским жителям, многие из которых не владели русским языком и грамотой. Спектр наказаний выражался в нескольких видах санкций. Так, например, если в 1931 г. крестьянина-единоличника (Жертвы политических репрессий, 1999:190) и муллу (Жертвы политических репрессий, 1999:137) выслали соответственно на Север и Восточно-Сибирский край на срок до пяти лет, то с 1933 г. срок лишения свободы колхозников увеличился до 10 лет с последующим поражением в правах на 5 лет. С 1937 г. стали выносить решения о расстреле.

Лишь в семи обвинениях п. 11 (деятельность по созданию контрреволюционной организации или участие в ней) использован самостоятельно. По нему вынесены 3 приговора о ВМН, 2 – о лишении свободы и в 2 случаях дело было прекращено, в том числе в 1931 г. в отношении крестьянина-единоличника из Покровского района (Жертвы политических репрессий, 2005:223).

Текст ст. 58 УК расширен 6 июня 1927 г. пунктом 14 о контрреволюционном саботаже. На наш взгляд, ослабление власти правительства и деятельности государственного аппарата, о чем сказано в данном пункте, может лишь человек, занимающий определенный пост в самом этом аппарате. Таковых чиновников среди казахов Алтайского края не было, не считая «низовой» уровень: в 1937–1939 гг. по другим основаниям ст. 58 были репрессированы председатель плановой комиссии Немецкого РИКа и три председателя сельских советов.

В судебной практике были два случая осуждения казахов именно по пункту 14, но и он применен краевым судом по отношению к заключенным. Какое отношение они могли иметь за решеткой к ослаблению власти правительства и деятельности государственного аппарата? Один из них неграмотный, бывший воспитатель из Алма-Атинской области, был осужден в Казахстане по ст. 58-14 осенью 1936 г. и содержался в исправительно-трудовой колонии г. Барнаула. Второй арест последовал 30 декабря 1941 г. и заключенный Оспанов Садык был вновь осужден по ст. 58-14 на 8 лет с последующим поражением в правах на 3 года. Реабилитирован 16 февраля 1996 г. Генеральной прокуратурой РФ (Жертвы политических репрессий, 2002:208). Второму заключенному из ИТК № 9 (станция Алтайская, Барнаульский сельский район) Темерканову Ормбаю, уроженцу Семипалатинской области, осуждение по ст. 58-14 состоялось 30 марта 1942 г., но дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Эти примеры подчеркивают произвольное толкование ст. 58 судебными органами, выполнявшими заказ на пролонгирование использования труда заключенных в интересах государства.

В отдельных случаях (в крае не более 3%) (Жданова, 2005b:378) высшая мера наказания была изменена вышестоящим судебным органом на иную меру наказания. В отношении казахов отмечаем 10 случаев замены расстрела на большие сроки лишения свободы. Например, на 25 лет лишения свободы заменены 5 приговоров о ВМН (Д. Мадияров, Х. Масаков, М. Мупазов, Ж. Татенов, М. Татенов) (Жертвы политических репрессий, 2002:320, 329, 349, 488), на 20 лет – 3 (К. Ахметов, М. Мусабеков, О. Мусапиров) (Жертвы политических репрессий, 2002:44,350) и на 10 лет – 2 приговора (А. Бахтияров, Г. Кинекеев) (Жертвы политических репрессий, 2002:55, 242). Речь идет о жителях Благовещенского и Славгородского районов, членах колхозов «Красный Казахстан», «Трудовой казах» и «Жанаул», чабане овцесовхоза «Новоалексеевский» и рабочем Бурлинского соляного промысла. Они реабилитированы Генеральной прокуратурой РФ и прокуратурой края в начале 90-х годов XX в.

В целом, из 159 приговоров к высшей мере наказания относились 73, или 46%. Двадцать пять приговоров (34,2%) о расстреле, принятые в 1938 г., отменены Верховным судом РСФСР. После вынесения приговора о расстреле умерли в тюрьмах 4 чел. (5,5%) и 4 – после отмены приговора. Из восьми умерших четверо были в пожилом возрасте – 63 года (Жертвы политических репрессий, 2002:174, 242, 484) и 67 лет (Жертвы политических репрессий, 2006:295).

Тридцать четыре казаха (46,6% от числа приговоренных к ВМН) были расстреляны в городах Славгороде (20 чел.), Омске (6), Бийске (3), Барнауле (2 чел.) и не указано место приведения приговора по 3 осужденным. В 1929 г. приговор о ВМН был исполнен касательно 2 человек, в 1930 г. – 1, в 1931 г. – 3, в 1933 г. – 3, в 1937 г. – 21, в 1938 г. – 3 и в 1942 г. – 1 человека. В возрасте 21–30 лет были 5 человек (14,7%), 31–40 лет – 14 чел. (41,2%), 41–50 лет – 3 чел. (8,8%), 51–60 лет – 6 чел. (17,6%), 61–70 лет – 5 чел. (14,7%) и одному осужденному исполнилось 73 года. Большинство казахов (65%), приговоренных к

высшей мере наказания, были в трудоспособном возрасте – от 21 до 50 лет. Причем основная масса расстрелянных – 29 человек из 34-х (85,3%) – это члены колхозов (16 чел., 47,1%), рабочие, в том числе совхозов, (7 чел., 20,6%), крестьяне-единоличники (6 чел., 17,6%). Таким образом, главный удар пришелся на рядовых граждан.

Необходимо подчеркнуть жестокие решения несудебных и судебных органов касательно лиц пожилого возраста, как правило, непригодных к тяжелому физическому труду в концлагерях и тюрьмах, но имевших в силу традиций большое влияние на сородичей. Так, из 16 человек старше 61 года двенадцать (75%) были приговорены к ВМН, из них 6 человек (37,5%) расстреляны и 2 человека (12,5%) умерли в тюрьме после вынесения приговора. 4 приговора (25%) краевого суда о ВМН отменены Верховным судом РСФСР. В 1937–1938 гг. 4 мужчин в возрасте от 63 лет до 71 года были осуждены на 10 лет лишения свободы, один из пожилых умер в тюрьме (Жертвы политических репрессий, 2002:270). Из числа репрессированных казахов лишь одному, Поротникову Григорию Евсеевичу, члену колхоза из с. Сараса Алтайского района, в возрасте 61 год был вынесен «мягкий» приговор о лишении свободы на срок предварительного заключения. Но это было за четыре года до «Большого террора» (Жертвы политических репрессий, 1999:346). За 20 лет репрессий в Алтайском крае не было практики применения в отношении казахов сроков лишения свободы до трех лет.

В Алтайском крае на 15, 20 и 25 лет были осуждены 32 казаха, что составило 20,1% от общего числа репрессированных. Это с учетом замены 10 приговоров ВМН на лишение свободы. Так, на 25 лет осуждены 23 чел., на 20 лет – 5, на 15 лет – 4 чел. В том числе в возрасте 21–30 лет были 6 человек (18,8%), 31–40 лет – 12 чел. (37,5%), 41–50 лет – 5 чел. (15,6%) и в возрасте 51–60 лет – 9 человек, что составляет 28,1% от числа осужденных на указанные большие сроки.

Таблица 8 дает представление об осуждении 62 казахов в Алтайском крае на большие сроки лишения свободы, от 8-ми до 25-ти лет. Преобладали приговоры о лишение свободы на 25 лет и 10 лет, что составило 28,3% от общего числа приговоров касательно 159 осуждений.

Таблица 8 – Осуждения на большие сроки лишения свободы .
(Жертвы политических репрессий, 1998–2005.)

Мера наказания: лишение свободы	Кол-во репрессированных, чел	% от общего числа репрессированных
25 лет	23	14,5
10 лет	22	13,8
8 лет	8	5,0
20 лет	5	3,1
15 лет	4	2,5
Всего	62	39

В местах заключения умерли 3 осужденных краевым судом 24 октября 1938 г., на 25 лет лишения свободы по статье 58-2,7,10,11. Рабочий Бурлинского соляного промысла, уроженец Томской губернии Булатов Айтмухамед (1891 г. р.) скончался в лагере 20 февраля 1943 г. Через 16 лет Судебная коллегия Верховного суда СССР реабилитировала рабочего и дело было прекращено за отсутствием состава преступления. В местах лишения свободы закончил свой жизненный путь 25 марта 1943 г. 34-летний Тайлюбаев Балтабай, уроженец Томской губернии. До ареста – заведующий МТФ колхоза «Трудовик» Славгородского района, житель аула «Жатак». Реабилитирован 27 июня 1959 г. Судебной коллегией Верховного суда СССР (Жертвы политических репрессий, 2002:484). После 14-ти лет пребывания в местах лишения свободы умер 24 июля 1952 г. Мусапиров Магзум, уроженец Семипалатинской области. Ему было 66 лет, бывший член колхоза «Трудовик» Славгородского района из аула «Жатак» также был посмертно реабилитирован Судебной коллегией Верховного суда СССР 27 июня 1959г. (Жертвы политических репрессий, 2002:350).

Навязанное политиками и организаторами репрессий мнение о репрессиях как форме

«социальной чистки» общества от «социально-опасных элементов» не подтверждается нашими данными: процент представителей этой группы относительно невелик. Лица свободных профессий (муллы), крестьяне-единоличники и лица без определенных занятий и места жительства – это 22 человека, или 13,8% от числа осужденных казахов. Из них 8 человек, в том числе 6 крестьян-единоличников, приговорены к ВМН (36,4%), 7 чел. (31,8%) получили сроки лишения свободы от 3 до 5 лет, 2 чел. (9,1%) высланы за пределы края и 5 дел (22,7%) прекращены. В этой категории двое осужденных в 1939 г. умерли в тюрьме: один после вынесения приговора о ВМН и второй осужденный – после отмены приговора о ВМН.

Особая тройка при ПП ОГПУ по Запсибкраю приговорила в 5 годах лишения свободы муллу Мусина Завита Исхановича. 3 мая 1931 г., на следующий день после ареста, предъявлено обвинение по ст. 58-10. Из обвинительного заключения ОГПУ: «Будучи проводником антисоветских идей, как мулла, служивший 8 лет без смены на этом посту, завоевавший большой авторитет среди верующих темных, угнетенных царским правительством, кулак занимался ряд лет открытым ограблением: за свои божественные молитвы брал лошадей, коров и другое казахское богатство... Видя гибельность своего царствования, в связи с поднятием культурного уровня среди отстающих национальностей, а также в связи с бурным ростом социалистического строительства и реконструкции с/х [...], когда казахское население стало объединяться в колхозы [...], еще более усилил агитацию, направленную на свержение соввласти, подрыва проводимых ею мероприятий [...]. Вел агитацию [...], призывая граждан не сдавать государству хлеб и скот, не вступать в колхозы, т. к. в колхозах будут править барины и бить плетями казахов [...]» (Жданова, 2005а:60). Мулла отбывал наказание в концлагере, реабилитирован 3 ноября 1989 г. (Жертвы политических репрессий, 1999: 296).

Практика пересмотра дел была на начальной стадии репрессий, затем, и не по воле НКВД, по итогам судебных решений 1938-го и последующих годов. Так, из 73 приговоров о ВМН были исполнены 34, а количество прекращенных сфабрикованных дел увеличилось в 3 раза, с 18-ти до 54-х дел, что составило 34% от общего числа осуждений за 20 лет.

Заключение. Репрессии сыграли свою роль в окончательном выборе национального крестьянства в пользу колхозов, которые создавались в условиях нагнетания в обществе атмосферы страха, подавления инакомыслия, катастрофического снижения уровня безопасности для жизни. Косвенный характер критики, которая считалась антисоветской агитацией (слухи, замечания, брюзжание), имеет тяжелые последствия в судьбах простых людей. Политика советского государства стала причиной их личной и семейной трагедии. Автор не согласен с теми, кто считал и считает репрессии фатально неизбежными. Принцип отбора дел на реабилитацию понять сложно, как по российской, так и казахстанской практике.

Исследование истории народа требует кооперации ученых республики со специалистами других стран, где исторически представлена казахская община. Считаю целесообразным создать общенациональный музей политических репрессий. В деле полной юридической и политической реабилитации жертв массовых политических репрессий отсутствует межгосударственная координация на постсоветском пространстве.

Литература

Гонимые голодом: Документы о судьбе десятков тысяч казахов, бежавших в Сибирь в начале 30-х годов: хрестоматия в 4-х ч. / сост.: Малышева М.П., Познанский В.С., Сыдыков Е.Б. Алматы : РИК, 1995. 640 с.

Гришаев В.Ф. Реабилитированы посмертно. Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. 238 с.

Жданова Г.Д. Репрессированные казахи Алтайского края (1920–1940-е гг.) // Политическая история Казахстана: первая половина XX века: Материалы междунар. науч.-практ. конф. (29 октября, 2004 г.). Алматы: Архив Президента Республики Казахстан, 2005а. С. 60–67.

Жданова Г.Д. Аналитические сведения // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919–1965. Барнаул: Алтайский полиграф. комбинат, 2005б. С. 377–383.

Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. I. 1919–1930. / Отв. ред. Г.Н. Безруков. Барнаул, 1998. 483 с.

Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. II. 1931–1936. / Отв. ред. Г.Н. Безруков. Барнаул, 1999. 555 с.

Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. III. Ч. I. 1937. / Отв. ред. Г.Н. Безруков. Барнаул: Пикет, 2000. 584 с.

Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. III. Ч. II. 1937. / Отв. ред. Г.Н. Безруков.

- Барнаул, 2001. 441 с.
 Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. IV. 1938–июнь 1941. / Отв. ред. Г.Н. Безруков. Барнаул, 2002. 674 с.
 Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. V. Июнь 1941 – май 1945. / Отв. ред. Г.Н. Безруков. Барнаул, 2002. 376 с.
 Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. VI. 1945–1965. / Отв. ред. Г. Н. Безруков. Барнаул, 2004. 325 с.
 Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Т. VII. 1920-1965. / Отв. ред. Г.Н. Безруков. Барнаул, 2005. 373 с.
 Земсков В.Н. Политические репрессии в СССР: реальные масштабы и спекулятивные построения [Электронный ресурс] // Политическое просвещение. 2013. № 6 (77). // URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=2816> (дата обращения 19.10.2020).
 Кабульдинов З.Е. Об усилении миссионерской политики царизма в Казахстане в 80-е годы XIX века // Отан тарихы. 2017. № 3 (79). С. 5–16.
 Книга памяти жертв политических репрессий в Республике Алтай. Т. III. / сост. П.И. Чепкин [и др.]. Горно-Алтайск: Юч-Сумер-Белуха, 2003. 245 с.
 Козыбаев И.М. «Большой террор» в Казахстане. Алматы: Раритет, 2019. 368 с.
 Койгельдиев М.К. Сталинизм и репрессии в Казахстане в 1920–1940-х годов. Алматы, 2009. 448 с.
 Красный террор: из истории политических репрессий в Казахстане (сб. док. материалов 20–50-х годов XX в.) / Сост.: М.К. Койгельдиев, В.И. Полулях, Ш.Б. Тлеубаев. Алматы: «Алаш» баспасы, 2013. 384 с.
 Лубянка. Сталин и главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / под ред. академика А.Н. Яковлева. М.: МФД, 2004. 736 с.
 Медведев Р.А. Наш иск Сталину // Московские новости. 1988. 27 ноября.
 Обращение Главы государства Касым-Жомарта Токаева по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода, 30 мая 2020 года // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_other_events/obrashchenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-po-sluchayu-dnya-pamyati-zhertv-politicheskikh-repressii-i-goloda (дата обращения 1.06.2020).
 Политические репрессии в Казахстане в 1937–1938 гг. Сб. док. / Отв. ред. Л.Д. Дегитаева. Алматы: Казахстан, 1998. 336 с.
 Семенов Т. И. Общие замечания // Народность и родной язык населения СССР: краткие сводки Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 года. М.: ЦСУ СССР, 1928. С. III–XXIII.
 Список военнопленных, осужденных Военным трибуналом 108 Отдельной стрелковой бригады к высшей мере наказания и лишения свободы, приговор на которых приведен в исполнение [Электронный ресурс]. URL : <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50887698&page=1&p=3> (дата обращения 27.09.2020).
 Страницы трагических судеб. Сб. воспоминаний жертв политических репрессий в СССР в 1920–1950 гг. / Сост.: Е. М. Грибанова [и др.]. Алматы: Жеті жарғы, 2002. 448 с.
 Уйманов В. Н. Национальный состав репрессированных на территории Западной Сибири в 1931–1941 гг. // Вестник ТГУ. 2012. № 357. С. 106-112.

References

- Gonimye golodom: Dokumenty o sud'be desiatkov tysiach kazakhov, bezhavshikh v Sibir' v nachale 30-kh godov: khrestomatiia v 4-kh ch. / sost.: Malysheva M.P., Poznanskii V.S., Sydykov E.B. Almaty : RIK, 1995. 640 s. [in Russian]
 Grishaev V.F. Reabilitirovaniy posmertno. Barnaul: Izd-vo Agu, 1995. 238 s. [in Russian]
 Zhdanova G.D. Repressirovannyye kazakhi Altaiskogo kraia (1920–1940-e gg.) // Politicheskaya istoriya Kazakhstana: pervaya polovina XX veka: Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (29 oktiabria 2004 g.). Almaty: Arkhiv Prezidenta Respubliki Kazakhstan, 2005. S. 60–67. [in Russian]
 Zhdanova G.D. Analiticheskie svedeniia // Politicheskie repressii v Altaiskom krae. 1919–1965. Barnaul: Altaiskii poligraf. kombinat, 2005. S. 377–383. [in Russian]
 Zhertvy politicheskikh repressii v Altaiskom krae. T. I. 1919–1930 / Otv. red. G.N. Bezrukov. Barnaul, 1998. 483 s. [in Russian]
 Zhertvy politicheskikh repressii v Altaiskom krae. T. II. 1931–1936 / Otv. red. G.N. Bezrukov. Barnaul, 1999. 555 s. [in Russian]
 Zhertvy politicheskikh repressii v Altaiskom krae. T. III. Ch. I. 1937 / Otv. red. G.N. Bezrukov. Barnaul : Piket, 2000. 584 s. [in Russian]
 Zhertvy politicheskikh repressii v Altaiskom krae. T. III. Ch. II. 1937 / Otv. red. G.N. Bezrukov. Barnaul, 2001. 441 s. [in Russian]
 Zhertvy politicheskikh repressii v Altaiskom krae. T. IV. 1938–iiun' 1941 / Otv. red. G.N. Bezrukov. Barnaul, 2002. 674 s. [in Russian]
 Zhertvy politicheskikh repressii v Altaiskom krae. T. V. Iiun' 1941 – mai 1945 / Otv. red. G.N. Bezrukov.

- Barnaul, 2002. 376 s. [in Russian]
 Zhertvy politicheskikh repressii v Altaiskom krae. T. VI. 1945–1965 / Otv. red. G.N. Bezrukov. Barnaul, 2004. 325 s. [in Russian]
 Zhertvy politicheskikh repressii v Altaiskom krae. T. VII. 1920–1965 / Otv. Red. G.N. Bezrukov. Barnaul, 2005. 373 s. [in Russian]
 Zemskov V.N. Politicheskie repressii v SSSR: real'nye masshtaby i spekulativnye postroeniia [Elektronnyi resurs]. // Politicheskoe prosveshchenie. 2013. № 6 (77). // URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=2816> (data obrashcheniia 19.10.2020). [in Russian]
 Kabul'dinov Z.E. Ob usilenii missionerskoi politiki tsarizma v Kazakhstane v 80-e gody XIX veka // Otan tarikhy. 2017. № 3 (79). S. 5–16. [in Russian]
 Kniga pamiati zhertv politicheskikh repressii v Respublike Altai. T. III. / sost. P.I. Chepkin [i dr.]. Gorno-Altaysk: Iach-Samer-Belaha, 2003. 245 s. [in Russian]
 Kozybaev I.M. «Bol'shoi terror» v Kazakhstane. Almaty: Raritet, 2019. 368 s. [in Russian]
 Koigeldiev M.K. Stalinizm i repressii v Kazakhstane v 1920–1940-kh godov. Almaty, 2009. 448 s. [in Russian]
 Krasnyi terror: iz istorii politicheskikh repressii v Kazakhstane (sb. dok. materialov 20–50-kh godov XX v.) / Sost.: M.K. Koigeldiev, V.I. Poluliakh, Sh.B. Tleubaev. Almaty: «Alash» baspasy, 2013. – 384 s. [in Russian]
 Lubianka. Stalin i glavnoe upravlenie gosbezopasnosti NKVD. Arkhiv Stalina. Dokumenty vysshikh organov partiinoi i gosudarstvennoi vlasti. 1937–1938 / pod red. akademika A.N. Iakovleva. M.: MFD, 2004. 736 s. [in Russian]
 Medvedev R.A. Nash isk Stalinu // Moskovskie novosti. 1988. 27 noiabria. [in Russian]
 Obrashchenie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva po sluchaiu Dnia pamiati zhertv politicheskikh repressii i goloda, 30 maia 2020 goda // Ofitsial'nyi sait Prezidenta Respubliki Kazakhstan. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_other_events/obrashchenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-po-sluchayu-dnya-pamyati-zhertv-politicheskikh-repressii-i-goloda (data obrashcheniia 1.06.2020). [in Russian]
 Politicheskie repressii v Kazakhstane v 1937–1938 gg. Sb. dok. / Otv. red. L.D. Degitaeva. Almaty: Kazakhstan, 1998. 336 s. [in Russian]
 Semenov T.I. Obshchie zamechaniia // Narodnost' i rodnoi iazyk naseleniia SSSR : kratkie svodki Vsesoiuznoi perepisi naseleniia 17 dekabria 1926 goda. M.: TsSU SSSR, 1928. S. III–XXIII. [in Russian]
 Spisok voennosluzhashchikh, osuzhdennykh Voennym tribunalom 108 Otdel'noi strelkovoi brigady k vysshei mere nakazaniia i lisheniia svobody, prigovor na kotorykh priveden v ispolnenie [Elektronnyi resurs]. URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50887698&page=1&p=3> (data obrashcheniia 27.09.2020). [in Russian]
 Stranitsy tragicheskikh sudeb. Sb. vospominanii zhertv politicheskikh repressii v SSSR v 1920–1950 gg. / Sost.: E. M. Gribanova [i dr.]. Almaty: Zheti zhargy, 2002. 448 s. [in Russian]
 Uimanov V.N. Natsional'nyi sostav repressirovannykh na territorii Zapadnoi Sibiri v 1931–1941 gg. // Vestnik TGU. 2012. № 357. S. 106–112. [in Russian]

МРНТИ 03.20

ИСТОРИЯ ИРТЫШСКОЙ ДЕСЯТИВЕРСТНОЙ ПОЛОСЫ В ТРУДАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Торайгыров Ержан Муратович¹, Нуржанова Айна Мардановна²

¹кандидат исторических наук, ассоциированный профессор ПГУ имени С. Торайгырова, Казахстан, Павлодар. E-mail: erjan_1976@mail.ru

²ассоциированный профессор Казахского национального исследовательского технического университета имени К.И. Сатпаева, Казахстан, Алматы. E-mail: ainamardan1@gmail.com

Аннотация. В данной статье представлен обзор дореволюционных трудов по истории Иртышской десятиверстной полосы. Определено, что большинство авторов являются представителями царского чиновничьего аппарата или казачьего сословия, что не могло не отразиться на объективности освещения материала в их исследованиях. Значительная часть интересующих нас сведений собрана казачьими офицерами, которые, как представители Сибирского казачества, выступали в защиту интересов войска, что имело своей целью и практическую задачу: обоснование принадлежности десятиверстной полосы казачеству.

Изучение данного вопроса поможет воссоздать нам целостную историческую картину социально-экономического развития края. Необходимость такой работы определяется